

СОДЕРЖАНИЕ:

Утѣшеніе безгласности.—Рецензентскій вопросъ.—Письмо С. А. Трефилова.—Хроника.—Письма въ редакцію.—Чествованіе Художественнаго театра.—† А. П. Ленскій.—Памяти дорогаго учителя. М. Стресса.—Актеръ-художникъ. Анатоля Кремлева.—Теософія съ пиротехникой („Синяя птица“ у художественниковъ). Н. Россова.—Парижскія письма. В. Бикиточка.—Изъ театральныхъ воспоминаній. Островскій—Садовскій. В. Лихачова.—По провинціи.—Харьковскія письма. Г. Тавридова.—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

Рисунки и портреты: † А. А. Потѣхинъ, † А. П. Ленскій, Афиша первой пьесы въ московск. Худож. театрѣ, „Король“ (2 рис.), „Бѣлая ворона“, „У царскихъ вратъ“ (3 рис.), Къ гастролѣмъ Сициліанской труппы (2 рис.).

С.-Петербургъ, 19-го октября 1908 года.

Мы поставлены въ болѣе, нежели странное положеніе, какъ, впрочемъ, и вся печать. Для обсужденія вопроса о созданіи союза актеровъ созывается комитетомъ огражденія „интересовъ“ собраніе, на которомъ участвуетъ 150 актеровъ, но куда входъ представителямъ печати „воспрещенъ“. Такого случая еще не бывало. Хотя все, что говорилось на собраніи, составляетъ „секретъ полишинеля“, тѣмъ не менѣе мы лишены возможности обсуждать первые шаги новаго учрежденія. Укрывшись отъ гласности, инициаторы показали первый примѣръ огражденія себя отъ „рецензій“.

Пишемъ эти строки для того, чтобы авторы многочисленныхъ статей и писемъ, обратившіеся въ нашъ журналъ, не удивлялись, что мы не удѣляемъ имъ мѣста. Извиняемся особо предъ С. А. Свѣтловымъ, котораго цѣнную статью намъ очень хотѣлось бы помѣстить. Спѣшимъ оговориться: по нашему мнѣнію, право печати добывать статьи и свѣдѣнія всякими законными путями — безспорно, ибо интересы общественнаго дѣла выше желанія или нежеланія заинтересованныхъ лицъ. Но въ данномъ случаѣ, было бы жестоко лишать инициаторовъ дѣла, стремящихся къ огражденію себя отъ печати, утѣшенія безгласности. Только эти деликатные мотивы и поставили насъ въ необходимость извиниться предъ нашими сотрудниками и корреспондентами, и воздержаться отъ печатанія ихъ статей и замѣтокъ.

Ничто не ново подъ луной... Въ виду особаго обостренія рецензентскаго вопроса, небезполезно, быть можетъ, вспомнить разсмотрѣніе этого вопроса на первомъ сѣздѣ сценическихъ дѣятелей въ 1897 г. Сѣздъ, въ общемъ, сохранилъ объективность и здоровое отношеніе къ предмету.

Послѣ доклада А. Н. Кремлева и преній, сѣздъ выработалъ слѣдующую резолюцію:

„Находя, что театральная критика является сильнымъ орудіемъ рецензентовъ въ общественномъ мнѣніи и имѣетъ важное значеніе для сценическихъ дѣятелей, часто вліяя даже на ихъ карьеру, сѣздъ признаетъ, что во многихъ случаяхъ театральная критика не удовлетворяетъ тѣмъ серьезнымъ художественнымъ требованіямъ, какія вправѣ предъявлять къ ней сценическіе дѣятели. Не имѣя возможности установить для гг. рецензентовъ какой-либо опредѣленный цензъ, сѣздъ апеллируетъ къ редакціямъ газетъ и журналовъ, прося внимательнѣе и строже относиться къ выбору ихъ представителей въ театр“.

Повидимому это обращеніе къ редакціямъ повліяло мало. Думается, не больше повліяетъ и нынѣшнее „приглашеніе“ къ совмѣстной органи-

заціонной работѣ (см. ниже) или другія мѣры, вродѣ преслѣдованія за оскорбительныя рецензій, для чего юрисконсульты, какъ говорятъ, представили свои соображенія. Если въ иныхъ, очень рѣдкихъ случаяхъ, злословіе и брань, заключающіяся въ рецензіяхъ, и будутъ наказаны, то въ огромномъ большинствѣ, дѣло закончится оправданіемъ, жалобщики окажутся въ смѣшномъ положеніи, да и самое примѣненіе къ художественной критикѣ, хотя бы и невысокаго разбора, судебного преслѣдованія, представляется настолько невѣроятнымъ, что повлечетъ пересмотръ и отміну законодательныхъ нормъ, или же соотвѣтствующее разъясненіе сената.

Всѣ эти мечты, сладостно волнующія нѣкоторыхъ актеровъ, слѣдуетъ оставить: въ нихъ совершенно нѣтъ реальнаго содержанія. А между тѣмъ онѣ отвлекаютъ отъ возможнаго и осуществимаго.

Вообще, вопросъ вздутъ искусственно. Таково наше убѣжденіе. Въ самомъ дѣлѣ, почему провинціальное актерство остается совершенно глухимъ къ петербургскому броженію? Вѣдь сами инициаторы и теоретики петербургскаго крестоваго похода говорятъ, что провинціальныя рецензенты гораздо хуже. Вѣдь г. Чириковъ, снисходительно допускающій среди „рецензентскихъ хулигановъ“ столицы — „королей“ (конечно, хулиганскихъ), отвергаетъ таковыхъ королей въ провинціи. Такимъ образомъ слѣдовало бы ожидать особенно страстнаго отзыва отъ провинціальныхъ актеровъ. А его нѣтъ. Что это значитъ?

По нашему мнѣнію, это значитъ, что когда людямъ съ трудомъ и лишеніями приходится вести борьбу за „минимумъ“ искусства и существованія, они не имѣютъ ни времени, ни охоты думать о второстепенномъ. Только это оно и значитъ. Рецензентскій вопросъ есть союзъ самолюбія. Но гораздо важнѣе вопросъ о сносныхъ, человѣческихъ условіяхъ для существованія актера и театра.

Мы привѣтствуемъ всякіе союзы. Мы полагаемъ, что союзное начало принесетъ неисчислимую пользу дѣлу. Но мы думаемъ, что основывать новый союзъ, на основѣ защиты отъ рецензій — дѣло совершенно безнадежное. Когда театръ, когда искусство переживаютъ глубокой кризисъ, когда такъ велика необеспеченность, такъ низко стоитъ профессиональная этика, такъ огромно перепроизводство, такъ много „кандидатовъ голода“ и сомнительныхъ элементовъ въ самомъ сценическомъ мірѣ — основывать союзъ на борьбѣ съ рѣзкими на слово рецензентами — значитъ, вести дѣло по искусственному пути. Союзъ долженъ быть основанъ для усовершенствованія актеровъ, а не для усовершенствованія рецензентовъ. Объ этомъ пусть они сами позаботятся. Отъ того, что рецензенты станутъ писать мягче, не станутъ лучше и интереснѣе актеры, и не отъ исцѣленія ранъ, нанесенныхъ самолюбію, зависитъ прогрессъ театра, а отъ страстнаго желанія стать выше мелочныхъ уловокъ, и работать для идеальныхъ цѣлей.

Одинъ французскій парламентскій ораторъ выразился образно по адресу своего противника: „высота вашей клеветы не достигнетъ подножія моего презрѣнія“. Такъ говоритъ „гордый человѣкъ“. Такъ долженъ разсуждать гордый актеръ, а не полагать задачу свою въ томъ, чтобы судиться съ недостойными рецензентами, рыцарями „желтой печати“ и писать на нихъ жалобныя бумаги. Право, отъ этого ничего не прибавится ни въ моральномъ, ни въ матеріальномъ смыслѣ театру и актеру.